

Шелковица

Ши Синмэй подошла ближе, принюхиваясь к аппетитному аромату, и, заглянув в котёл, где на дне ещё оставалось немного бульона, язвительно заметила:

— А ты неплохо устроился, Братец Лин. Восьмая тётка-то думала, тебе и перекусить нечего, а ты тут пируешь. В нашей деревне Уси вряд ли кто-то решится так шикавать спозаранку. Да уж, времена нынче не те, и жизнь в деревне совсем не чета городской.

Су Лин, будучи сытым и довольным, проявил несвойственное ему терпение, хотя в голосе всё же проскользнули резкие нотки:

— И к чему ты это, Восьмая тётя? Курицу мне Пятая тётка принесла, а не ты. Что и как мне есть — моё личное дело, тебя оно никак не касается.

— Братец Лин, ты это что же, намекаешь, что я тебе ничего не дарю? — Ши Синмэй, и без того раздосадованная тем, что ей не досталось ни капли супа, мгновенно вспыхнула от гнева. — Как ты смеешь так со мной разговаривать!

Вспыльчивый нрав юноши тут же взял верх:

— А что не так? Мне что, сначала поминальные свечи зажечь, а потом на колени рухнуть, чтобы ты соизволила меня выслушать?

— Ты... ты из-за какой-то еды мне смерти желаешь?! — взвизгнула она.

Деревенские жители были крайне суеверны в таких вещах, а учитывая близость праздника Чжунъюань, подобные слова звучали для неё как страшное проклятие.

Ши Синцзюй поспешила вмешаться, едва сдерживаясь, чтобы не ущипнуть сестру за руку.

— Восьмая, ну хватит, — с натянутой улыбкой произнесла она. — Охота тебе перед невесткой позориться.

Юань Цзинцуй и Ши Синчжу всё это время стояли в стороне. Они не пытались унять ссору, лишь безучастно наблюдали, попутно оценивающим взглядом окидывая двор. Наконец Тётушка заметила обновлённые окна и слащаво пропела:

— Надо же, Братец Лин, ты даже пеньковую бумагу купил! Вот уж не думала. В нашей деревне мало кто может позволить себе такую роскошь.

Собеседница с болезненным любопытством гадала, сколько же денег припрятано у Су Лина, раз он так сорит ими направо и налево. Каждая монета, потраченная юношей, ощущалась ею

как личная потеря — сердце буквально обливалось кровью от мысли, что её наследство тает на глазах.

— Пеньковая бумага — это же баснословные деньги! — продолжала Юань Цзинцуй. — Если не умеешь плести соломенные циновки, попросил бы дядю, он бы тебя научил.

Ши Синмэй, мгновенно позабыв об обиде, подхватила мысль невестки:

— Братец Лин, а у тебя лишней бумаги не осталось? Твоя Восьмая тётка как раз ремонт затеяла, старые циновки там совсем ни к чему. Тётка в долгу не останется, мы ведь пришли тебе с камнями помочь. Обычный работник за день берет пятьдесят взней, а чи бумаги стоит всего пятнадцать. Сама посмотри — ты же в выигрыше!

Она обвела взглядом старую хижину, стены которой местами были изъедены муравьями.

— К тому же, — фыркнула Ши Синмэй, — клеить такую дорогую бумагу на эти развалины — только добро переводить.

Юань Цзинцуй вставила слово, опасаясь, как бы племянник и впрямь не отдал что-то сестре мужа:

— Мы ведь свои люди, родственники. Когда Ши Синсянь помогал, он никогда не заикался об оплате, в отличие от некоторых.

Су Лин, не желая вникать в их интриги, отрезал:

— У меня было всего два листа, и оба уже на окнах. Лишнего нет.

— Так ведь можно осторожно отодрать, — не унималась Ши Синмэй.

— Постыдилась бы, Восьмая, — притворно возмутилась Юань Цзинцуй. — У племянника и так жизнь не сахар, а ты вместо помощи последнее выгадываешь. Как только язык поворачивается?

Затем она повернулась к юноше с видом мудрой наставницы:

— И ты, Братец Лин, тоже хорош. Сейчас тебе нужно экономить, каждую монету беречь. Тётушка не хочет тебя поучать, чтобы не злить лишний раз, но смотреть, как ты разбрасываешься серебром, выше моих сил. Душа за тебя болит.

Су Лин посмотрел на жадную Восьмую тётю, затем на Тётушку Юань, чья «забота» выглядела до тошноты нелепой, и почувствовал лишь глухое отвращение. Он указал на молчаливого спутника:

— Бумагу купил Су И, на свои деньги. Так что спрашивайте его, я не распоряжаюсь чужим добром.

Ши Синмэй презрительно хмыкнула:

— Подумаешь, какой-то раб...

Но стоило ей встретиться взглядом с Братцем И, как слова застряли в горле. В его тёмных, почти неподвижных глазах читалось нечто настолько пугающее, что женщина мгновенно осеклась. От этого человека веяло чем-то жутким, словно от дикого зверя, затаившегося в лесной чаще. По рукам Восьмой тётки побежали мурашки.

— Ладно, — пробормотала она, трусливо отводя взгляд. — Не больно-то и хотелось. Можно подумать, мы сами купить не сможем.

Су Лин, однако, не забыл её прежних слов:

— Восьмая тётя, после смерти отца мои дела и впрямь пошатнулись, но зато теперь я ясно вижу, кто желает мне добра. Тем, кто относится ко мне искренне, я всегда отвечу тем же. Но раз тебе в тягость помогать мне с камнями, я не неволю. Можешь идти.

Услышав это, Ши Синмэй поняла, что Братец Лин разозлился не на шутку, и растерянно посмотрела на Ши Синцзюй. Пятая сестра ещё по дороге предупреждала её — не зли парня, сдерживай свой нор, иначе он окончательно переметнётся на сторону Юань Цзинцуй. Так оно и вышло.

Тётушка Юань едва сдерживала торжествующую улыбку.

— Не переживай, Братец Лин, — елеиным голосом произнесла она. — Сейчас времена трудные, но у тебя есть и я, и тётушки. Потихоньку всё наладится.

Раз уж невестка начала играть в благородство, Ши Синцзюй тоже не могла отстать. Она схватила Су Лина за руку и принялась рассыпаться в утешениях. Юноше пришлось, сцепив зубы, терпеть их изливания ещё добрых четверть часа. К счастью, третья тётя, женщина молчаливая и простая, всё это время стояла в тени сестры и не проронила ни слова, избавляя его от лишней необходимости притворяться.

Наконец вся компания, вооружившись корзинами и лопатами, отправилась вниз к реке. Как только двор опустел, Су Лин вместе с Братцем И направился к старосте деревни, чтобы официально зарегистрировать их уход в горы.

Вдоль межи, под дикими кустами шелковицы, двое гээров собирали траву для свиней. Один из них, с уже заметно округлившимся животом, с трудом пытался дотянуться серпом до верхних веток. Как он ни старался, свежие крупные листья оставались всего в паре дюймов от его пальцев.

Проходя мимо, Су Лин решил помочь. Он потянулся к ветке, но в тот же миг чья-то рука промелькнула над его головой. Беременный гээр, почувствовав, как ветка сама опустилась к

нему, обернулся и увидел двоих мужчин.

— Вы тоже хотите собрать шелковицы? — с любопытством спросил он.

Су Лин покачал головой:

— Нет, просто увидел, что ты не дотягиваешься.

Сам он был довольно стройным и по меркам гээров считался высоким, но рядом с Су И юноша казался совсем хрупким. Там, где Су Лину приходилось вставать на цыпочки, мужчине достаточно было просто поднять руку.

Юноша поднял глаза и увидел, что Брат И всё ещё держит ветку.

— Хочешь ягод? — спросил он спутника.

— Ягоды и впрямь загляденье, — вставил беременный гээр. — Крупные, черные, сладкие. Если отвезти такие на рынок, можно выручить хорошую цену.

Впрочем, в деревне никто не собирал их на продажу — ягоды считались общим достоянием, лакомством для детворы.

— Нет, — коротко ответил Су И, глядя на Су Лина. — Думал, ты хочешь.

Его взгляд на мгновение задержался на животе незнакомца, и в глазах мужчины промелькнуло мимолётное удивление. В итоге он оборвал самые сочные листья и отдал их гээрам, а затем набрал горсть ягод, которые они вчетвером тут же и съели.

Гээры заметили, что этот молчаливый незнакомец, несмотря на свою суровость, оказался весьма обходительным, а Су Лин, подшучивающий над ним, выглядел на удивление довольным. Это сразу расположило их к обоим.

— Ты ведь Су Лин? — спросил один из них. — Спасибо вам обоим за помощь.

Юноша лишь кивнул и небрежно махнул рукой, показывая, что это пустяки. Когда они отошли на приличное расстояние, гээры принялись вполголоса обсуждать увиденное.

— А Братец Лин-то, оказывается, вовсе не такой заносчивый, как болтают. И раб, которого он купил, — до чего хорош собой! И как послушно он всё делает... Слушай, — беременный гээр смущенно потупился, — а вдруг я ему приглянулся?

— Ну ты и бесстыдник! — прыснул его товарищ. — Видать, весна тебе в голову ударила. Ты

разве не видел, как этот мужчина на Су Лина смотрит? Он хоть и молчит, но глаз с него не сводит. Так что не строй пустых надежд.

— Но ведь он положил в мою корзину куда больше листьев, чем в твою! Наверняка понял, что ты замужем, а я — нет, вот и решил задобрить. Эх, он такой статный... Представь, какие бы у нас получились красивые дети.

— Су И, кажется, ты только что разбил чьё-то сердце, — усмехнулся Су Лин, помахивая веткой, усыпанной спелыми ягодами.

— М-м?

— Тот гээр так на тебя смотрел... Вот увидишь, на праздник факелов после сбора урожая отбоя от сватов не будет.

Спутник ничего не ответил. Тропинка пошла под уклон, став слишком узкой, так что им пришлось идти друг за другом. Как только дорога снова расширилась, Су И ускорил шаг и, поравнявшись с юношей, серьёзно произнес:

— Я никуда не уйду.

— Тогда чего ты так усердно помогал им собирать листья?

— Ты начал помогать, и я тоже.

— И почему тогда одному ты набил полную корзину, а другому — только половинку?

— Беременным нельзя носить тяжести.

— Подумаешь, листья! Веса в них — пшик, — ехидно протянул Братец Лин. — А ты, оказывается, тот ещё ценитель прекрасного.

— Ты придираешься.

Су Лин промолчал, продолжая путь к деревне. Су И тенью следовал за ним. Вскоре им встретилась Вторая тётя, собиравшая перец в поле.

— Братец Лин, куда путь держите? — окликала она их, выпрямившись среди кустов алого чили.

Юноша замер. Лицо казалось знакомым, но он никак не мог вспомнить, кем она ему приходится. Улыбнуться через силу не получалось, поэтому он выдавил лишь сухое:

— К старосте, по делу.

К его удивлению, Су И, стоявший за спиной, вежливо поздоровался:

— Доброго дня, Вторая тётя.

Его голос звучал спокойно и уверенно. Су Лин почувствовал, как щеки обдало жаром от стыда. Женщина добродушно рассмеялась, заметив его замешательство:

— Ничего, Братец Лин, бывает. Ты ведь маленьким часто у нас бывал, а как подрос, стал нелюдим, вот и позабыл всё.

Юноша, окончательно смутившись, послушно повторил приветствие. Когда они миновали поле, он обернулся к помощнику:

— Откуда ты узнал, что это Вторая тётя?

Су И пояснил, что именно она сопровождала его на аптекарские поля, умолчав лишь о её наставлении «жить душа в душу».

— Она сама просила так её называть, — добавил Брат И.

— Какой послушный! — съязвил Су Лин, хотя на самом деле ему просто хотелось почесать язык. — Значит, делаешь всё, что тебе говорят?

Он взглянул на бесстрастное лицо мужчины, и в голове вдруг закружился вихрь мыслей. Жить на чужбине, вдали от дома, нелегко. Даже если в душе поселился страх, его нельзя показывать. Ни родных, ни друзей в этих краях, да ещё и статус раба — и впрямь, жалкая участь. Ему вдруг показалось, что эта мощная фигура выглядит на фоне пустых полей до странного одиноко.

— Что ж, — произнес он уже серьёзнее. — Раз так, зови их так же, как и я. Будем считать, что мы с тобой — товарищи по несчастью. Если когда-нибудь захочешь жениться и завести детей, я сожгу твой смертный контракт.

— Рабам не положено иметь семью, — негромко отозвался Су И. — Он не может дать человеку законный статус. Разве что... — Он замолчал, глядя на озадаченное лицо Су Лина.

— Разве что — что? — переспросил тот.

Су И медленно поднял взгляд, в упор глядя в глаза юноши:

— Разве что хозяин сам даст рабу законный статус... и возьмёт его в супруги.

Братец Лин хмыкнул, не заметив странного напряжения в голосе мужчины:

— Ну и упрямец. Мало ли что там в указах написано, до нашей деревни законы редко доходят. Ты — мой раб, и если я дам согласие, значит, всё можно.

Он помолчал и добавил:

— В жизни нужно уметь быть гибким.

Су И опустил глаза, скрывая мысли, и промолчал.

<http://bllate.org/book/15320/1354537>